

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Оikonomía • Πολίτικα

OIKONOMIA • POLITIKA

В последнее время дискуссии о проблемах Северного Кавказа в Институте экономической политики имени Е. Т. Гайдара и Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ стали носить регулярный характер. С начала 2012 года таких дискуссий было две. В рамках конференции «Россия и мир: 2012—2020» 20 января 2012 года был проведен круглый стол «Северный Кавказ в контексте федерализма». 12 апреля в Пятигорске состоялись Гайдаровские чтения «Северный Кавказ: вызовы и потенциал развития». Вниманию читателей предлагаются наиболее интересные моменты прошедших дискуссий. Поскольку участники затрагивали схожие проблемы и приводили во многом перекликающиеся аргументы, дискуссии на двух данных мероприятиях обобщены и структурированы в соответствии с их тематикой. Материал подготовлен Ириной Стародубровской.

1. Земля

Ирина СТАРОДУБРОВСКАЯ
(руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара). Когда мы говорим о проблемах земельной реформы, следует прежде всего определить, что мы, собственно, под этим подразумеваем. Потому что, когда возникает это словосочетание, могут иметься в виду три разные вещи: *первый момент* — это отсутствие разграничения земель между различными уровнями власти и связанный с этим вопрос отсутствия земли в муниципальной собственности либо перераспределение земель, которые традиционно являются муниципальной собственностью, в пользу регионально-государственных органов, что для Северного Кавказа характерно в гораздо большей степени, чем для многих других регионов России. В других регионах обычно региональная власть пытается монополизировать земли крупных городов, региональных столиц, здесь же речь идет в первую очередь о сельскохозяйственных землях.

Второй момент связан с тем, что та модель земельных преобразований, которая была проведена в большинстве регионов России, не везде последовательно, где-то формально, но тем не менее была проведена, на Северном Кавказе

проводилась в гораздо меньших масштабах. Частично она была проведена в Карачаево-Черкесии, в какой-то мере была осуществлена в Дагестане, то есть на третий год изучения Дагестана мы обнаружили, что в каких-то местах были выделены паи, но это явно не было всеобщей практикой. В каких-то республиках, например в Кабардино-Балкарии, подобных преобразований вообще не было проведено. Соответственно это вопрос инициирования либо не инициирования сейчас, уже в новых условиях, той модели земельной реформы, которая в России прошла в 1990-х годах.

И наконец, *третий момент* — это общая неурегулированность прав собственности на землю, которая ставит в очень уязвимое положение не только местное население, но и крупных инвесторов. Я должна сказать, что в Пятигорск я приехала не из Москвы, как все, а из Нальчика, у меня была очень короткая, но очень интересная поездка. В частности, мне удалось первый раз пообщаться с инициаторами и с менеджерами тех крупных инвестиционных проектов, которые проводятся в республике. Первая фраза, которую я услышала от первого нашего собеседника, была: «У нас в республике нет частной собственности на землю, к сожалению». То есть совершенно очевидно, что эта проблема во многом всеобщая, от нее страдают все, и даже в том случае, когда административные гарантии вроде бы обеспечены и формально аренда выделена (как в Кабардино-Балкарии), на 25 лет, собственники чувствуют, что их земельные права не защищены, что они очень серьезно зависят от административного ресурса, который может меняться, и это тоже создает для них достаточно серьезные проблемы.

Поэтому, когда мы будем говорить о проблемах земельной реформы, я бы хотела, чтобы мы четко разделяли и одновременно увязывали между собой эти три момента.

Еще один момент, который мне представляется важным, состоит в том, что природу конфликта обычно определяют как межэтническую. Говорится о том, что, поскольку на Северном Кавказе действительно проживает в разных сочетаниях и разных композициях очень много разных народов, это соответственно неизбежно порождает межэтнические конфликты. Я думаю, что сейчас накапливается все больше и больше свидетельств, которые подтверждают, что сведение данного конфликта к межэтническому является, по меньшей мере, недопустимым упрощением, если не просто ошибочным. Я попытаюсь доказать этот достаточно нестандартный тезис.

Во-первых, и об этом нам говорили даже в органах власти ряда республик, имеет место земельный конфликт — совершенно однотипный в разных местах. Там, где он происходит между жителями одной национальности, одного этноса, он рассматривается просто как земельный конфликт. Как только он начинается между жителями разных этносов, он тут же становится межнациональным. Хотя по типу-то конфликт совершенно одинаковый.

Во-вторых, этот конфликт уже даже самими его участниками начинается все в большей мере восприниматься как конфликт социальный. В своей книге «Северный Кавказ: модернизационный вызов» мы писали о том, что есть разные модели урегулирования проблемы, очень актуальной для Дагестана: проблемы земель отгонного животноводства. В Дагестане нас отправили обсуждать наши предложения с теми людьми, которые живут на этих землях, — с главами поселений, районов и т. д. В процессе обсуждения нам сказали: «Хорошо, вы предлагаете такой вариант. Мы вполне допускаем, что на ваш вариант договорятся Магомед с одной стороны и Магомед с другой стороны. Скажите, что будем делать с Магомедом Магомедовичем, с которым уже договориться будет гораздо сложнее?» И эта проблема Магомеда Магомедовича на самом деле начинает ощущаться все более и более остро. И даже самими участниками конфликт интерпретируется не просто как приход людей другой национальности. Они понимают, что процесс схода горцев с гор произошел, людей, переселившихся с гор на равнину, уже не куда не деть, все равно придется искать какие-то компромиссы. И уже все понимают, что страдают люди с обеих сторон — не только коренные народы равнины, земли которых занимаются, но и те люди, которые приходят с гор. Я думаю, что это осознание очень важно, оно очень сильно корректирует представление о конфликте — в очень правильную сторону.

И наконец, *третий момент*. Насколько я понимаю, полтора года назад лидеры кабардинских и балкарских национальных движений договорились о том, что они вместе будут отстаивать идею муниципальной собственности на землю поселений и возвращения поселенцам тех земель, по поводу которых между ними нет разногласий. А потом уже будут решаться вопросы по землям, по которым есть разногласия. Причем вопросы будут решаться не на высоком уровне межнационального, межэтнического конфликта, а между конкретными селами, у которых есть спорные вопросы. То есть сама логика жизни трансформирует представление о конфликте как межэтническом в несколько другие формы.

Существует ли, тем не менее, некий межэтнический элемент в этом конфликте? Я думаю, что существует, но он привнесен государством в результате того, что насильственное переселение очень часто шло именно по этническому признаку. Оно не везде шло именно так, но базовый признак был этническим. Поэтому земельные конфликты, которые связаны с депортацией, насильственным переселением и необходимостью затем возвращения народов, действительно носят гораздо более серьезную, содержательную этническую окраску, что делает их еще гораздо более сложными, потому что это тот случай, когда не существует не только очевидных решений, но даже с неочевидными решениями очень большая проблема.

Если конфликт по сути своей не межэтнический (по форме он может быть разный), то, собственно, какой это конфликт? Я думаю,

что это конфликт *пересекающихся прав на ресурсы*. И проблема эта вовсе не чисто кавказская и не наиболее явно выраженная на современном этапе. Пожалуй, наиболее явно эта проблема рассмотрена в «Капитале» Маркса в главе, связанной с первоначальным накоплением капитала. Описывается в этой главе, каким образом в условиях Англии, где уж точно не было никакого межнационального конфликта, решалась проблема пересекающихся прав на земельные ресурсы. Были традиционные права английского крестьянства, копигольдеров, но они официально зафиксированы нигде не были, это была традиция. Затем, когда стало выгодно разводить овец и для этого понадобились большие территории, люди были согнаны с земель — как говорили в Англии, «овцы съели людей». Это была абсолютно та же ситуация и абсолютно та же проблема. Термин «огораживание», который сейчас вошел в оборот применительно к современному Северному Кавказу, идет именно из «Капитала» Маркса.

Как вообще могут решаться земельные конфликты, а собственно — и любые другие? Я, с вашего позволения, использую терминологию теории игр и скажу, что они могут решаться двумя способами: в рамках игры с нулевой суммой и в рамках игры с ненулевой суммой. Мне это положение кажется абсолютно принципиальным. Что значит игра с нулевой суммой? Это значит, что одна сторона выигрывает ровно столько, сколько другая сторона проигрывает. В результате получается ноль. Сейчас практически все силы, которые так или иначе участвуют в решении земельных конфликтов на Северном Кавказе, пытаются играть игру с нулевой суммой: мы продавливаем свои интересы до конца, ровно столько, сколько мы выиграли, другая сторона проигрывает — нас это не волнует. Это самый нестабильный вариант решения любого конфликта, и шанс того, что конфликт будет таким образом устойчиво решен, очень невелик. Уж очень большим должен быть административный ресурс, чтобы другую сторону задавить так, чтобы она уже и головы не могла поднять.

Есть другой способ решения конфликтов — игра с ненулевой суммой, когда находится такой вариант, в рамках которого обе стороны выиграют. Кажется непонятным: как это возможно, чтобы обе стороны выиграли? Например, применительно к землям отгонного животноводства. Мне кажется, что для каких-то территорий мог бы быть вариант обмена легализации положения переселенцев с гор на землях отгонного животноводства (сейчас они там существуют нелегально и никаким образом свои права специфицировать не могут) на возвращение части земли тем равнинным сообществам, которые страдают от малоземелья. Выигрывают все: одни получают часть земли, другие получают легализацию своего положения и статуса. Ясно, что они выигрывают не полностью, но это компромисс, в рамках которого по сравнению с существующим положением выигрывают все.

Относительно Кабардино-Балкарии. Как я сказала, у меня здесь свежие впечатления, только вчера приехала. Если крупный инвестор

заинтересован в формализации своих прав частной собственности на землю, то очевидно, что нужно искать компромисс между потребностями местного населения и спецификацией этих прав. И в этой ситуации, например, если местному населению будет выплачена компенсация за его земли, опять выигрывают обе стороны, во всяком случае по сравнению с существующим положением, а не по сравнению с какой-то идеальной моделью, которая как раз предполагает игру с нулевой суммой. По сравнению с существующим положением население получает определенные компенсации, инвестор получает гарантированность прав частной собственности — в данном случае эти права более гарантированы, чем аренда.

Я перехожу к выводам. Мне кажется, что консервировать существующую ситуацию достаточно опасно по двум причинам. *Во-первых*, потому что она сама очень нестабильна, она все время прорывается какими-то насильственными всплесками, и у меня нет никаких оснований считать, что этих насильственных всплесков дальше будет меньше, а не больше. *Во-вторых*, потому что, чем дольше мы затягиваем ситуацию, тем сложнее эта ситуация становится. Например, если в той же Кабардино-Балкарии 130 га (всего около 1000, но я видела 130 га земли) засажены яблонями по новым технологиям выращивания, инвестор вложил в капельное орошение, в саженцы, в каркасы и во все остальное — как эту землю сейчас делить на паи между населением? Я не знаю. Ситуация во многом тупиковая. Если бы это было сделано в 1990-е годы, до того, как начались вложения, все было бы проще. Сейчас это сложнее, придется искать паллиативы, какие-то искусственные схемы, потому что невозможно разрушить капельное орошение, выкинуть саженцы и поделить эту землю, в цивилизованном государстве так не бывает. Но проблема становится все более и более сложной.

При этом я считаю, что еще опаснее попытка провести земельные преобразования быстро и единообразно, поскольку это действительно может взорвать ситуацию. Я думаю, что это очень хороший пример того, когда можно начать процесс широкого общественного диалога, чтобы искать решение с ненулевой суммой в каждом конкретном случае и двигаться от одного случая к другому, *case by case*, пытаюсь найти в каждом случае наиболее эффективное решение. Совершенно очевидно, что это невозможно сделать без федерального центра, он в любом случае должен адаптировать законодательство под эту ситуацию. Хорошо бы, чтобы он еще и выступил гарантом тех правил игры, которые будут предлагаться в рамках этого процесса. Наверное, если мы согласимся с тем, что земельные преобразования так или иначе следует инициировать, необходимо начинать процесс переговоров с представителями федерального центра по этим вопросам.

Ибрагим ЯГАНОВ (член общественного совета СКФО, лидер общественного движения «ХАСЭ», председатель союза фермеров и арендаторов, КБР). В Дагестане, в Кабардино-Балкарии действительно есть

некие экономические подвижки — перевод хозяйства на экономические, прежде всего промышленные, рельсы — а ведь республики эти были сугубо аграрными. Но разного рода побочные явления очень серьезно накаляют обстановку.

Объекты, которыми можно восторгаться, у нас можно пересчитать по пальцам. На миллион населения могут быть обеспечены квалифицированной работой около тысячи человек. А что делать остальным? К примеру, прямо в предместье Нальчика есть огромный животноводческий комплекс. Чтобы обеспечить этот комплекс кормовой базой, необходимо около 10 тыс. га земли. Чтобы комплекс получил эти 10 тыс. га, надо раскулачить 4 близлежащих села. На этих 10 тыс. га во времена ненавистного колхоза работали в среднем около 2000 работников, колхозников. Среднестатистическая семья в республике около 6 человек, то есть около 12 000 человек минимум могли безбедно существовать на этих территориях. На земле при таком земледелии миллионером, конечно, не станешь, но люди могут жить безбедно и каким-то образом давать образование своим детям и существовать на этой территории, не выезжая за пределы республики.

Теперь при использовании новых технологий (особенно широко высокие технологии применяются в животноводстве, и это вопрос очень спорный) на этих объектах работают всего 200 человек. И что теперь делать 1800 людям, которые остались не у дел, без семьи, без собственности? Никакой альтернативы им не предложено. Перед ними остались две перспективы: устроиться на этот животноводческий комплекс за мизерную зарплату, а ввиду того, что там применяются высокие технологии, использование человеческого труда там минимальное, или же ехать в мегаполис, преимущественно в Москву, в поисках лучшей доли. Смертность среди таких гастарбайтеров, как у нас принято их называть, стала очень большой. Представьте себе, между Нальчиком и Москвой ежедневно туда-обратно курсирует около 100 автобусов.

Между прочим, в Европе, где были изобретены огромные животноводческие комплексы, сейчас уже не в состоянии их содержать. Мы видим периодические вспышки болезней, миллионами вырезается скот, сжигается и закапывается. Этот же скот, который покупается за бешеные деньги в Европе, попадая в нашу действительность, прежде всего получает шок из-за тех условий, в которых его содержат — даже кормовая база совершенно другая. Как только корова попадает в такие условия, у нее падает иммунитет, соответственно все заболевания, которые в ней «сидят», начинают расцветать. Но смысл, по большому счету, не в этом. Смысл в том, чтобы освоить деньги, которые выделяются по национальной программе из федерального бюджета. Мы видим, что люди, которые осваивают эти бюджетные средства, прежде чем заниматься проектом, сначала меняют машину, затем дом, жену, а уже потом начинают заниматься этим проектом.

Федеральный центр должен быть очень осторожен, проводя промышленную индустриализацию в аграрном секторе. Логика подска-

зывает, что гидропонику строят там, где нет нормального грунта, нет земли, нет солнца и нет воды. Но, слава Богу, Кавказ всеми этими щедротами наделен сполна, и производить, грубо говоря, пластмассовые помидоры большого смысла нет, потому что в Кабардино-Балкарии традиционно два крупных района, которые специализировались на овощеводстве, на огурцах и помидорах. И возникает вопрос: развивать ли дальше традиционные формы, в том числе и животноводства?

Наши отгонные пастбища совершенно пустые. Огромные территории, где можно иметь очень большое поголовье скота, лучшее мясо и лучшее молоко в мире. Есть огромное число фермеров, для которых образом жизни является животноводство, земледельчество, независимо от национальности. Вместо того чтобы помочь этим людям удержаться на месте, чтобы они не выезжали, а занимались на месте тем, чем занимались их предки, сейчас государство их целенаправленно раскулачивает, выгоняет с насиженных мест в мегаполис. Буквально на днях мне сказали, что это мировая тенденция. Я уверен, что там люди имели альтернативу. У нас такой альтернативы нет. У нас есть альтернатива поехать в Москву, попасть под горячую руку скинхеда и вернуться обратно в гробу, и это приобретает массовый характер. Люди боятся уезжать, но что им делать дома?

Все чувствуют, что надо что-то менять, в принципе многие знают, в каком направлении нужно двигаться, но единого рецепта нет. Республика аграрная, основной капитал — это земля, на которую до сих пор нет частной собственности. Как это изменить? Способов и методов своих или из мирового опыта много, выход есть. Тут сказали, тысячи гектаров садов, как их разделить. Да очень просто. Пусть сад так и остается, а люди, которые владели этими территориями, получают какую-то его долю. Если человек будет иметь дивиденды со своего пая в этом саду, плюс еще будет сам в этом саду работать, да еще и зарплату получать, то дивиденды и зарплата уже обеспечат ему нормальное существование, достойную жизнь. И он будет заинтересован в том, чтобы этот сад процветал и работал.

Нина МИРОНОВА (*научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХиГС*). Основная проблема, вызывающая земельные конфликты в Дагестане, — это расхождение фактического использования территории и земли с формальным статусом территории и земли, то есть с тем, как это определено в законодательстве. Естественно, возникает вопрос: чем же отличается Дагестан от других российских территорий?

Во-первых, Дагестан отличается природными особенностями в виде особого сочетания гор, предгорий и равнины («плоскости»), что естественным образом сформировало в свое время систему отгонного животноводства, являющуюся сейчас основным узлом земельных проблем. Во-вторых, Дагестан отличается наличием особого субъекта социальных отношений — сообщества одного села, или *джамаата*, исторически обладающего коллективной (общинной, или джамаатской)

собственностью на землю. При этом в Дагестане еще в достаточной степени сохранены традиции прежних правовых систем — адата, шариата, и в наибольшей мере они сохранились именно в регулировании земельных отношений. С 1868 года до февральской революции 1917 года в Дагестане действовало «Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области». Подобный нормативный акт определял сельскую общину, дагестанский джамаат, как полноценную административную единицу.

С 1923 года в Дагестане начались плановые переселения горцев на равнину, зачастую по волюнтаристским решениям власти. С 1930 года у горных колхозов появились «свои» кутаны на плоскости, которыми распоряжались руководили горных районов и хозяйств. Таким образом, появилось то, что нам пришлось во время полевых исследований назвать «населенное место». У подобного места (где живут люди, есть детский сад, школа, мечеть и кладбище), нет не только правового статуса какого-либо сельского поселения, но даже статуса населенного пункта. Большинство из них нет на географических картах либо они обозначены словом «кутан» или названием прежнего колхоза (например, «21 партсъезд»). Вместе с жителями они административно привязаны к горным районам, находясь от них на расстоянии до 300—400 км. Примеров таких «населенных мест» очень много. Возникла так называемая чересполосица — источник нынешних проблем как территориального устройства, так и земельных отношений.

Отголосок прежней политики центральной власти до сих пор проявляется также в тех земельных конфликтах, которые связаны с двумя волнами переселений: 1944 и 1957 годов. Обе волны сопровождались драматическими событиями, а их последствия ощущаются до сих пор. Например, не завершено восстановление Ауховского района для чеченцев-аккинцев, живших там с XVII века. Программы переселения лакцев на территорию Кумторкалинского района, несмотря на выделение финансовых средств в течение 20 лет, срываются одна за другой. В результате ни лакцы не довольны, ни чеченцы пока не попали на места своего исконного проживания.

Совершенно новая проблема возникла недавно, но также по решению центральной власти: летом 2010 года президенты России и Азербайджана подписали договор о государственной границе между Дагестаном и Азербайджаном, не предприняв никаких мер в отношении жителей двух дагестанских селений — Храх-Уба и Урьян-Уба. В результате живущие там лезгины оказались на территории Азербайджана, и этот конфликт все больше обостряется.

Еще один источник нынешних земельных конфликтов — запрет на оборот сельскохозяйственных земель на 49 лет. В 2004 году был принят республиканский закон, по которому до 1953 года дагестанские земли, имеющие категорию земель сельскохозяйственного назначения, не могут быть приватизированы. Это приводит к тому, что

постоянно идет незаконная распродажа земельных участков по коррупционным схемам. Особенно любопытна ситуация в селе Парул: спорные участки имеют категорию земель сельскохозяйственного назначения и расположены, по имеющейся информации, возле сел Новый Параул и Сосибулак. Однако населенных пунктов с такими наименованиями пока не удалось обнаружить ни на картах, ни в дагестанских законах.

Значительный конфликтный потенциал несет в себе принятый более 15 лет назад (1996 год) закон РД «О статусе земель отгонного животноводства», противоречащий действующему земельному и муниципальному законодательству РФ. Так, по Земельному кодексу РФ все земли, которые отнесены к землям сельскохозяйственного назначения, должны находиться за границами населенных пунктов и предоставляться исключительно для нужд сельского хозяйства. Названный республиканский закон допускает наличие на этих землях земель иных категорий, а данная норма федерального законодательства серьезно нарушается в дагестанской практике. Сфера регулирования закона о статусе земель отгонного животноводства не ограничивается лишь порядком определения подобных территорий, хотя ФЗ-131 предлагает устанавливать лишь порядок определения территорий и использования земель.

Пример Бабаюртовского района. Численность «своего» (равнинного) населения — 45 тыс. чел., занимающих 22 «своих» населенных пунктов. Численность «отгонников» (именно такой термин используется в статистических данных республики) — не менее 40 тыс. чел., живущих в более 70 кутанах или мест, совпадающих с названиями прикутаных хозяйств. На «своего» жителя приходится 0,53 га, на «отгонника» — 30 га (данные очень приблизительны, как весьма приблизительно вся дагестанская статистика). Всего земель в административных границах района 326 тыс. га, из них почти 70% используют хозяйства 21 района и города Махачкала. Аналогичная картина в Кумторкалинском районе и некоторых других равнинных районах республики.

В Дагестане имеется 11 особых территорий, расположенных на землях отгонного животноводства, но имеющих с формальной точки зрения статус муниципальных образований, то есть уставы, границы и другие признаки сельского поселения. Понять, на территории каких равнинных районов находятся эти муниципалитеты, стало возможным лишь в ходе полевых исследований. В частности, выяснилось, что в границах Дербентского района находятся 7 муниципалитетов: «Село Морское» Дахадаевского района, «Село Авадан» Докузпаринского района, «Село Аладаш» Курахского района, «Село Кумук» Курахского района, «Сельсовет „Моллакентский“» Курахского района, «Сельсовет „Гиндибский“» Тляратинского района, «Село „Новый Фриг“» Хивского района. В границах Кумторкалинского района находится один «Сельсовет „Самилахский“» Хунзахского района. В границах Бабаюртовского района находятся 3 муниципалитета: «Сельсовет „Шавинский“» Цумадинского района, «Село „Цадах“» Чародинского

района, «Сельсовет „Качалайский“» Бежтинского участка в составе Цунтинского района.

При этом вся земля в границах этих так называемых муниципалитетов, как и любые участки, расположенные на землях отгонного животноводства, находится в республиканской собственности и отнесена к категории земель сельхозназначения. Соответственно на такой земле не может быть никаких капитальных строений, но там находятся жилые дома и вся социальная инфраструктура. При проведении исследования не была подтверждена наша гипотеза о том, что на территориях, имеющих статус муниципалитетов, люди лучше обеспечены муниципальными услугами. Сельские жители везде испытывают огромные трудности с питьевой водой, водой для полива и множеством иных проблем.

Интересно сравнить следующие данные. Например, на территории Кумторкалинского района находится кутан, созданный на землях отгонного животноводства в 1936 году. Живут там выходцы из древнего горного селения Согратль, расположенного в Гунибском районе. Если сравнить «материнское» село и кутан, все достаточно схоже по числу жителей, по наличию школы, клуба, мечети, кладбища. Но с точки зрения сельскохозяйственного производства в горах всего лишь одна молочная ферма на 20 голов, на плоскости же — одна из крупных агрофирм «Согратль».

Как выяснилось, за порядок на землях отгонного животноводства в Дагестане ответственен целый ряд административных структур: Министерство земельных и имущественных отношений, Министерство сельского хозяйства, ГУ «Республиканское управление отгонного животноводства при Минсельхозе РД», Особая служба Министерства здравоохранения, Территориальное управление образованием зоны отгонного животноводства (ТУО ЗОЖ). Но есть ли порядок на этих землях — большой вопрос. Причем совершенно очевидно, что сама республиканская власть прекрасно знает о том, что действительно происходит на этих землях. Так, начиная с 2006 года принимался ряд постановлений Правительства РД о многочисленных нарушениях. Тем не менее продолжают регистрироваться факты нецелевого использования земель, уничтожения плодородного слоя почвы, не решены важные вопросы учета земель, их распределения по категориям, формам собственности, угольям и пользователям. Но вот сколько «населенных мест» без статуса находится на землях отгонного животноводства — мы так и не смогли выяснить у представителей власти.

Отсюда напрашивается очевидный вывод — для решения актуальнейших проблем и земельных конфликтов должна быть проявлена политическая воля органов власти республики Дагестан. Ясно также, что, чем дольше не будут решаться проблемы земель отгонного животноводства, тем туже затянется их узел. Все меры должны быть направлены как раз на разрешение той проблемы, о которой говорилось в начале: на ликвидацию расхождения реального использования и формального

правового статуса каждого земельного участка. Для этого требуется откорректировать земельное законодательство республики и провести инвентаризацию земель. Любопытно, что Правительство Дагестана из года в год дает поручение провести инвентаризацию, но до сих пор это не сделано. Давно пора изменить категорию земельных участков согласно их реальному использованию. Необходимым представляется привлекать общественные структуры с каждой стороны имеющих и возникающих земельных конфликтов. Важно также проводить земельную реформу, что называется, поштучно или в ручном режиме, как написал в своей статье Константин Казенин, и постепенно, о чем говорила Ирина Стародубровская. Обязательно просчитывать экономические выгоды и политические риски.

Кроме того, с моей точки зрения, разрешение земельных конфликтов может быть разным в различных зонах. Для этого нужно выделить как минимум 5 зон: (1) север республики; (2) Ногайский и Тарумовский районы, где на землях отгонного животноводства нет населенных пунктов; (3) горы и предгорные территории; (4) южный Дагестан со своим совершенно особым менталитетом; (5) Прикаспийская низменность без Южного Дагестана.

Константин КАЗЕНИН (*заместитель главного директора ИА REGNUM, Москва*). Земельная проблема на Кавказе лежит не только в плоскости технических решений, связанных с землепользованием, собственностью на землю, но и в двух других очень взрывоопасных областях. Это, во-первых, земля и ислам и, во-вторых, земля и межнациональные отношения.

В земельных отношениях все чаще используются исламские нормы, и здесь, конечно, чемпион — Дагестан. Возможно, и Ингушетия, но я еще Ингушетию не наблюдал непосредственно в поле. Я бы сказал, что по крайней мере в Дагестане основная причина все большего использования исламских норм, исламских способов регулирования земельных отношений — не только в общей предрасположенности к традиции сельского дагестанского общества, но и в том, что образуется определенный вакуум: либо просто отсутствуют государственные земельно-правовые нормы, либо они слишком сложны. И вакуум, образуемый здесь, заполняется другими способами регулирования земельных отношений.

Я лично наиболее часто встречал ситуацию, когда тот или иной земельный конфликт решается по исламским нормам именно на землях отгонного животноводства. Есть несколько достаточно известных конфликтных узлов между конкретными селами, где конфликты решались с большим или меньшим успехом именно таким образом. Но как раз на землях отгонного животноводства имеющиеся законодательные нормы, государственные процедуры решения земельных вопросов действуют сложнее.

Почему нельзя объяснить это предрасположенностью к традиции, возвращением к традиции? Что такое традиция, в том числе в отноше-

нии земельных норм, — в Дагестане это очень большой вопрос. Потому что всем прекрасно известно, что начиная как минимум с первой половины XIX века, с установлением и появлением имамата, идет почти непрерывная цепь эволюции, в том числе в правовой сфере. Поэтому говорить, что здесь есть некая единая традиция-абсолют, к которой вернулись, нельзя. Скорее это именно заполнение вакуума.

Теперь что касается земли и межнациональных отношений. Лично мои дагестанские наблюдения ясно показывают, что есть два вида конфликтов, связанных с землей. Есть старые конфликты, которые возникли еще в 1990-е годы. Их чаще всего неправильно назвать межэтническими, но там была некая разница интересов либо двух разных этносов, либо двух разных сельских общин. Прежде всего это касалось конфликтов, связанных с административно-территориальным делением, как в Новолакском районе. Или, например, два села: Костек и Новый Костек в Хасавюртовском районе. Там были приняты земельные решения, не устраивающие ни одну из сторон, и таком русле конфликта двух общин это и развивалось.

А есть конфликты более современные, которые возникают уже сейчас. В них почти всегда одна сторона — это сельская община, другая сторона — это представитель, так сказать, чиновничьего класса. Из того, что я видел, самая распространенная ситуация, когда сельская община предъявляет претензии своему главе, потому что он заключает договоры, сдает землю в аренду, неформально допускает на земли, которые община считает своими, кого-то постороннего. Такая ситуация складывается гораздо чаще, чем конфликты двух сельских общин с разным этническим составом.

То же самое в Карачаево-Черкесии — на отгонных горных пастбищах: местные фермеры постоянно находятся в страхе перед приходом внешних арендаторов. Даже в тех местах Карачаево-Черкесии, где есть некий этнический подтекст в земельных вопросах, допустим в Зеленчукском районе (там смешанное население — карачаевцы и русские, есть одна почти полностью казачья станица — Исправная), та земельная напряженность, которая возникает (как это озвучивают сами местные жители-казаки), скорее состоит в том, что они видят злую (с их точки зрения) волю некоего районного и республиканского чиновника, который кому-то не тому отдал землю, а им ею пользоваться не дает. То есть я бы сделал акцент на сдвиг от конфликта межобщинного к конфликту между общиной и чиновником, что, конечно, происходит на фоне крайне запутанных механизмов установления прав на землю.

В связи с этим — последний момент, о котором я скажу, — в данном случае на примере Дагестана. Все это происходит на фоне того, что, несмотря на озвученные сегодня опасения по поводу судьбы выборов в этом регионе, в Дагестане национальный фактор в республиканской политике в последние годы явно ослабевает. Все основные альянсы, которые там есть, — они почти все не моноэтничны.

Когда говорится о землях отгонного животноводства, конфликт интересов местного и неместного населения происходит на фоне большого количества межнациональных браков — между этими самыми местными и неместными. То есть нет ни мощного национального фактора в республиканской политике (по крайней мере он ослабевает), ни бытового национализма в целом. Почему же, когда речь идет о разных решениях по землям отгонного животноводства, на первом месте всегда этнический фактор? Как мы поделим районы? А не получится ли так, что изменится национальный состав, если мы отгонные села введем в равнинные районы? И что тогда будет? И т. д. и т. п. Почему этот вопрос остается основным, несмотря на явное общее понижение роли этнического фактора?

По-моему, дело здесь только в одном: другого источника неформальной легитимности власти в глазах населения, по крайней мере на районном уровне, там сейчас нет. Но это не тот регион, где могут безропотно принять любого районного начальника, которого поставит республика. Там все гораздо сложнее. Хотя влияние республиканской власти сейчас, как я считаю, растет на муниципальном уровне. Тем не менее это сложный механизм. Население хочет активно участвовать в формировании районного самоуправления. Как, через что? К партиям там никто серьезно не относится. Ничего другого там нет. Остается, к сожалению, единственный работающий механизм — это механизм национальный — за неимением ничего другого. Таково мое видение.

Еще один момент — из совершенно другой области. Вопрос о сельскохозяйственных землях — особенно в Дагестане и частично в Ингушетии (на Западном Кавказе в меньшей степени) — нельзя отделять от демографической проблемы на фоне традиций, связанных с тем, что родители всем сыновьям, кроме младшего, должны построить отдельный дом. Отсюда стремление использовать сельскохозяйственные земли под застройку — это особая проблема.

Ахмет ЯРЛЫКАПОВ (*старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва*). В ситуации, когда нет нормальных, внятных законов, когда нет нормальных правил игры, действительно будет идти замещение, и наиболее реальное замещение, наверное, пойдет по шариатской линии. Хотя ислам действительно признает частную собственность, есть и другие формы права на землю. Кстати, исламское право сейчас является одним из самых реальных конкурентов светскому праву, которого фактически нет. Можно долго дискутировать о том, есть исламское право как целостное явление или нет, но есть реальная система, которая работает.

Здесь вспомнили проект Немецкой деревни. Это гигантский проект, который требовал, помимо огромных земельных ресурсов, которые в Дагестане в дефиците, вложения больших денег. Увлечение гигантоманией, к сожалению, не продуктивно. Яркий пример — это то, что случилось в Ногайском районе с проектом строительства са-

харного завода. Этот огромный проект, который ногайцы сразу отвергли. Отвергли почему? Я много разговаривал с местным населением и с фермерами, и фермеры мне говорят: «Зачем нам этот сахарный завод? Я фермер, а я вынужден выливать молоко, полученное от своих коров, но езжу за маслом в Хасавюрт. Нам нужны микропроекты, чтобы здесь были небольшие маслозаводы, небольшие колбасные заводы». То есть вот такие проекты очень нужны населению, а не подобные Немецкой деревне гигантские проекты, которые на самом деле приводят к серьезным осложнениям. Это, во-первых. А во-вторых, такие проекты действительно не будут реализованы, потому что идет серьезное отторжение со стороны населения. В частности, с проектом сахарного завода — что там люди увидели? Просто схему отъема 100 тысяч га земли. А все из-за того, что сегодня мы наблюдаем со стороны населения тотальное недоверие к власти.

Ирина Стародубровская. Вопрос, который хотелось бы прокомментировать содержательно, — вопрос о конкуренции юрисдикций — реально один из самых интересных и один из самых сложных. Тут несколько раз звучал тезис о том, что российское законодательство не работает, но работают нормы шариата. Честно говоря, у нас у каждого свои частные наблюдения. Я всегда, когда речь идет о конкуренции юрисдикций, привожу цитату одного главы сельского поселения, который сказал: «Вот видите там земли, по российскому закону они соседнего района, по шариату они наши, и мы там пасем скот». И когда я спросила: «А соседний район не против?», он ответил, что «вообще-то те высоты, с которых территория простреливается, наши, поэтому не против».

Честно говоря, у меня есть ощущение, что сейчас реальный аргумент последней юрисдикции на Кавказе — это у кого те самые высоты. По моим наблюдениям, когда речь идет об отношениях и конфликтах внутри сообщества, там, где сообщество действительно сильно, альтернативные юрисдикции действуют. Это может быть шариат, адат, это могут быть некие новые правила, но они действуют. Там, где сообщество сильно, оно может обеспечить правоприменение в соответствии с этой юрисдикцией. Как только проблемы и конфликты выходят на отношения между сообществами, по моему ощущению, любая юрисдикция действует плохо, в том числе и шариат. Отсюда история о том, как не давалось добро, говорилось «харам» на использование той или иной земли в мечети, а после этого совершенно спокойно эта земля заселялась. И только, может, имам говорил, что нет, он сюда не пойдет, а все остальные прекрасно заселялись. Таких историй, к сожалению, не одна, не две и не три. И у меня ощущение, что суть проблемы не в том, что не работает российское законодательство, а работает шариат. У меня ощущение, что суть проблемы в том, что эффективно не работает ни одна юрисдикция и что именно это и воспроизводит, с одной стороны, институциональный вакуум, а с другой стороны, совершенно хаотический процесс его заполнения,

где каждая сторона выбирает ту юрисдикцию, которая ей сегодня выгодна. И конкуренция юрисдикций перерастает в конфликт.

Денис СОКОЛОВ (*руководитель Центра исследований регионов RAMCOM, Москва*). Я хотел поговорить о Ставропольском крае и о русском вопросе, который очень часто возникает в связи со Ставропольским краем. Там он ставится с разной степенью остроты. Говорят о вытеснении русскоязычного, русского населения из Восточного Ставрополя и вообще из Ставропольского края. Говорят об этнических конфликтах, которые являются основной причиной оттока русскоязычного населения из Ставропольского края — прежде всего из Восточного Ставрополя. Вокруг этой темы проведено достаточно много разных экспертных сессий. Мы попытались в этом году разобраться, что происходит в Восточном Ставрополе.

Разбирались на примере нескольких районов — это Курский район, это районы Степновский, Нефтекумский, чуть-чуть Туркменский и Буденновский районы. Это в основном районы, которые расположены по границе Ставропольского края с Чечней, с Дагестаном, с Осетией. Отрицать полностью наличие этнического конфликта в Восточном Ставрополе я бы не стал, определенно этнический конфликт существует. Но то, что удалось обнаружить, мне кажется достаточно интересным. Есть несколько процессов, которые замечены в Восточном Ставрополе.

Первый процесс — отток населения. Я бы не говорил об оттоке русскоязычного населения, я бы говорил вообще об оттоке того старожильческого населения Восточного Ставрополя, которое там находилось до начала ликвидации колхозов, до начала переустройства той хозяйственной системы, которая сложилась при Советском Союзе. По нашим представлениям, это вызвано в большей степени не вытеснением со стороны миграционных потоков с востока, из республик Северного Кавказа. Это вызвано тем, что колхозы ликвидированы, реальной работы у людей нет, перспектив для какого-либо дальнейшего развития в станицах и селах тоже нет, и молодежь уехала — уехала почти вся. Ее очень мало осталось именно в Восточном Ставрополе. Даже когда люди вроде бы по прописке там живут, на самом деле их там нет. Там живут в основном люди пожилого возраста, которые просто держат хозяйство, получают свою условную ренту за паи, выделенные в результате приватизации колхозов, и живут на пенсию. Как только появляется возможность более-менее дорого продать пай или дома и цена, которую дают за дом или пай, позволяет им с какими-то накоплениями купить жилье где-нибудь в другом месте, они уезжают. И это связано в большей мере не с вытеснением, а именно с отсутствием хоть какой-нибудь работы. Это один процесс.

Очень интересны в связи с этим процессом следующие моменты. Есть один пример большого села, которое не только полностью сохранилось, но даже начало развиваться. Это армянское село Эдиссия в Курском районе. В этом селе не было сильного колхо-

за при Советском Союзе, колхоз был слабенький. Но сегодня, если сравнивать с другими населенными пунктами, в Эдиссии наблюдается настоящий бум, расцвет сельского хозяйства, и не только сельского хозяйства. Во-первых, там почти не сократилось население — как было 6 тысяч человек, так 6 тысяч и живут. Во-вторых, все остальные хозяйства в большинстве своем потеряли посевные площади по разным причинам. Кто-то отдал в аренду, у кого-то колхозы были обанкрочены и земля выкуплена, кто-то передал пай в аренду. В Ставропольском крае хозяйства контролируют 3—4 тыс. га из 10 тыс. В Эдиссии мало того что сохранили за собой 10 тыс. га, которые были у колхоза, они еще 30 тыс. га арендуют у соседей, включая даже Кабардино-Балкарию. То есть с точки зрения сельского хозяйства это единственный положительный пример, который я видел в Ставропольском крае. Есть еще несколько крепких хозяйств, но они в основном доживают. Сами люди говорят, что до тех пор, пока сохраняется крепкое хозяйство во главе с оставшимся директором колхоза или совхоза, который с советских времен сохраняет свои позиции, колхоз живет. Как только колхозное хозяйство рассыпается, начинается передача паев в аренду, на этом постепенно затихает жизнь и люди начинают активно уезжать из этого села. Это еще одна история, которая не связана с вытеснением, она связана с тем, что рухнула прежняя система экономической жизни. И люди вынуждены уезжать.

Вторая история, второй сюжет, который связан с предыдущим и оказывает огромное влияние, гораздо большее, на мой взгляд, чем миграционные процессы, на скорость распада прежней жизни, распада хозяйственной системы. Это участие Ставропольского края в глобальном зерновом рынке. Зерно — это биржевой товар, зерно дает возможность проведения достаточно активных спекулятивных операций. Наблюдается стремительное укрупнение хозяйств, причем это необязательно происходит с оформлением по всем правилам — купля-продажа, оформление хозяйств из одной формы в другую, например коллективного хозяйства в частное, — нет, остается колхоз. Просто у него меняется управляющий. Да и не колхоз, а уже коллективное предприятие, колхозы ликвидированы в 1991 году. Остается коллективное предприятие с пайщиками, у коллективного предприятия меняется управляющий, постепенно меняются бенефициары товарооборота, и получается так, что в Ставропольском крае крупные посевные площади контролируют несколько крупных предприятий. При этом до половины земель остается как бы в паевой собственности.

Третий сюжет связан именно с миграцией — опять же это не вытеснение, а скорее замещение. То есть все существующие в Ставропольском крае конфликты, которые маркируются как межэтнические, это конфликты, связанные с потерей контроля над земельными ресурсами как со стороны местного населения, так и со стороны мигрантов. Причем примерно до 30% паев в Ставропольском крае принадлежат этническим дагестанцам, этническим чеченцам, кото-

рые проживают там уже 30—40 лет и у которых там выросли дети. Их нельзя называть приезжими в том смысле, в каком принято говорить. И они страдают от этой глобализации и от вытеснения зерновым бизнесом местных общин. Страдают в той же степени, что и русскоязычное население. Их экономическое пространство сжимается под воздействием крупных компаний. Это и московские агрохолдинги, это и несколько местных, ставропольских крупных предприятий, сетевых, которые владеют десятками, даже сотнями тысяч га в Ставропольском крае. Получается, что конфликты между даргинцами, например, и казачками в большей степени связаны с вытеснением и тех и других из их экологического ареала. Даргинцам негде пасти овец, казакам негде сеять зерно, потому что свои паи они передали. И здесь этнический конфликт получается как бы наведенным.

Очень значима ситуация со стоимостью паев в Ставропольском крае. На сегодня стоимость пая, вне зависимости от того, кому он принадлежит, около 150 тыс. руб. — это если колхоз скупается. Пай в Ставропольском крае — это в среднем 10 га. Где-то есть 12, где-то есть 8, но в среднем это 10 га. Получается, что стоимость пахотной земли в Ставропольском крае, с которой можно собирать от 40 до 90 центнеров пшеницы за сезон, около 15 тыс. руб. Если продается земля, которая уже выделена в отдельный участок, отмежевана и есть свидетельство о собственности, то стоимость такой земли в 10 раз больше, чем стоимость земли через пай. В итоге средняя семья бывших колхозников, имея 1—2 пая на руках и дом в станице, может мобилизовать не больше 300—400 тыс. руб. в случае продажи всех своих активов. В большинстве случаев, примерно в половине, эта земля уже продана или заложена и средств для переезда у людей практически нет.

Получается, что миграция связана больше не с вытеснением, а с замещением, когда приходит какая-то группа приезжих, которая готова купить дома, дома с участками. В этом случае в селах целыми улицами продаются дома, где раньше жили колхозники русской национальности. И при интервью выясняется, что на самом деле никаких этнических конфликтов за отъездом этих людей не стояло. Просто люди ждали, когда они смогут продать свои дома, чтобы уехать. Они дождались спроса, продали дома и переехали в Ставрополье или в Ростовскую область.

При этом отрицать полностью, как я уже сказал, конфликтную составляющую в том, что происходит в Восточном Ставрополье, я бы не стал. В некоторых случаях действительно есть конфликтный потенциал. Приведу такой пример. В станице Исправная Карачаево-Черкесии конфликт между казаками и карачаевцами, которые постепенно заселяют станицу, а казаки уезжают, наиболее острый. С точки зрения казаков, в станице есть активное притеснение с применением насильственных действий со стороны карачаевцев. С точки зрения карачаевцев, это вполне логичное, вполне законное замещение людей, которые перестают заниматься хозяйством на своей территории, другим этносом.

Татьяна НЕФЕДОВА (*старший научный сотрудник Института географии РАН, Москва*). Ставрополье разное, и ситуации там очень разные. Вот Денис Соколов говорил, что там колхозы разрушены. В этом году мы объехали практически все Ставрополье. На западе очень сильные колхозы сохранились, они еще живы и стараются не пускать инвесторов, у них замкнутый рынок.

Но где бы мы ни были — сильные колхозы, слабые колхозы, русские, нерусские народности, — везде два крупнейших конфликта: земельный конфликт и этнический. Но этнический — своеобразный, тот, о котором говорил Денис, то есть конфликт, наведенный хозяйственными проблемами. Хозяйственный конфликт существует и формирует этнический. Ведь разные народности здесь жили давно, а болезненное восприятие друг друга проявилось недавно. Поясню, что я имею в виду. Это к вопросу о том, почему опасно раздавать землю и проводить земельную реформу.

Люди хотят получить землю. Но дальше, если земля идет в оборот, то на это место приходят желающие эту землю приобрести. Неважно, кто. Это могут быть внешние инвесторы, московские, это могут быть местные клановые инвесторы, но земля у населения начинает активно скупаться. Сильные колхозы еще могут этому противостоять, мелкие собственники — уже нет. И дальше все зависит от того, слабая власть или сильная. Если власть более-менее сильная, она пытается контролировать этот процесс. Многие главы администраций не пускают внешних инвесторов.

Вот что происходит на западе края. Мы были в Новоалександровском, в Апанасенковском районах. Они пытаются не пускать туда внешних инвесторов, хотя там есть все предпосылки для инвестиций. Туда просто жаждут проникнуть московские агрохолдинги. Но колхозы пока сохраняют самостоятельность и вполне жизнеспособны за счет производства зерна.

Где предприятия и власть более слабы или власти коррумпированы, там уже произошло несколько переделов собственности. Это, например, центральное Ставрополье. Полностью ликвидируется животноводство, остается одно растениеводство. Почему туда так рвутся? Да потому, что производство зерна и подсолнечника очень выгодно. Вот и Денис говорил: глобализация, переход на зерно. А что такое животноводство? Это самая трудоемкая отрасль, в результате отказа от животноводства в русских крупных селах массовая безработица, и земельные паи населения уже все скуплены. А можно и не скупать, можно выпастать вокруг села бесконтрольно тысячи овец или сотни голов КРС и выбить все пастбища. Вот, собственно, и конфликт, который порождается свободной конкуренцией за землю. И он неизбежен, с ним очень трудно бороться. Он приводит к этническим конфликтам.

То же самое и на северо-востоке Ставрополья. Мы давно это наблюдаем, были там и в 2002 году, и в этом году. Доля дагестанских народностей увеличивается, русские уезжают, и не только потому, что

работы нет. Работы нет и в других районах. Но они уезжают отсюда в южные, пригородные, западные районы, уезжают из-за того же земельного конфликта. Идет конкуренция за землю, в том числе за пастбища. Традиционная культура дагестанских народностей более конкурентоспособна, более приспособлена к этим сухостепным условиям. Там держать одну-две коровы, как было принято в русских семьях, уже невозможно. Пастбищ не хватает. Идет явная сегрегация территории. Левокумский, Нефтекумский районы, соседний район Арзгирский — вдоль Кумы — русское население, которое не пускает туда неславянские народы. А севернее территория активно заселяется неславянскими народностями, и в общем-то это неизбежно, потому что к этой территории гораздо более приспособлено животноводство. Там оно сохранилось лучше, потому что даргинцы традиционно держат овец.

Все эти процессы фактически и формируют конфликты, но они в своей основе имеют хозяйственные, земельно-этнические, как бы наведенные проблемы. И они распространяются сейчас гораздо дальше, все дальше и дальше на запад Ставрополя. Нерусские народности, как правило, селятся в малых селах и где-то на периферии западных районов. В принципе, уже даже по размеру села можно сказать, какой там состав населения и сколько у него скота. Это неизбежные процессы. Мы должны это принять как некую данность, потому что сами рыночные условия и земельная реформа стимулируют этот процесс.

Денис Соколов. Просто дополнительная иллюстрация. История про конкурентоспособность. Вот село, изначально наполовину русское, наполовину — ногайское. Ногайцы и русские говорят, что приходят даргинцы и на самом деле вытесняют их. Как вытесняют? Очень просто. Стоимость аренды пая — 1 тонна пшеницы в год. Это в случае, если русский у русского директора колхоза или ногаец у своего же арендует этот пай. Это не рыночная цена, потому что в принципе рыночная цена, которая там сформирована, сейчас 3—4 тонны пшеницы на пай. Приходит даргинец и дает эти 3—4 тонны, он рискует, он готов работать и готов зарабатывать больше. Спрашиваешь у ногайцев: «Почему вы не берете 3—4 тонны?» Они отвечают: «А мы не будем у своего брать по 3—4 тонны за пай, потому что он нам платит 1 тонну».

Таким образом, это уже сложившиеся институциональные отношения среди бывших колхозников, у них есть взаимные обязательства, они находятся в плену институциональной колеи, выходить из которой не очень хотят. У них есть что-то типа ренты старожилы, которая формируется из дешевого пая, из легкого получения участка под застройку, из каких-то пособий, из работы на бюджетной должности. Это все складывается. Есть такая негласная договоренность, когда не положено, не принято платить за пай рыночную стоимость. Поэтому обиды на даргинцев, которые приходят и эту рыночную стоимость платят, в общем-то неправомерны с точки зрения рынка. Они приходят, заплатив рыночную стоимость за землю, взяв 10 тысяч га, обрабатывают их и зарабатывают деньги на этом самом зерне.

Константин Казенин. Мне кажется, бывают на Кавказе случаи, когда есть конкурирующие системы в земельных вопросах, но при этом закрытые одна от другой. Вот, например, Карачаево-Черкесия — единственный регион, где более или менее реализовано выделение паев. Рассмотрим Ногайский район. Это новый район, созданный в 2006 году, в котором все села, кроме 20, мононациональные, чисто ногайские. Там пай включает примерно по 4 га. Рынок есть — в основном, конечно, не продажи, а аренды. Но сдают в аренду исключительно своим. В районе примерно десяток ногайских фермеров, вот им и сдают землю в аренду. Не пускают извне никого, а из-за этого спрос меньше, чем мог бы быть, цены ниже. Там стоимость годовой аренды пая получается где-то 7—9 тыс. руб., то есть чуть больше стоимости тонны пшеницы. То есть явно меньше, чем могло бы быть, если бы рынок был открытым.

Я пытался понять, почему не пускают внешних арендаторов, которые в принципе могли бы быть и есть — ведь есть желающие. Явных ответов в ходе моей полевой работы не было, но я предполагаю, что где-то в подкорке у местного населения сохранился опыт крупных агрофирм, то, что люди видят, как ведут себя крупные агрофирмы, когда заходят на земельные рынки на Северном Кавказе. Это — скупка паев по дешевке, фактически это политика огораживания. Поэтому, возможно, и формируются такие замкнутые рыночные системы.

Денис Соколов. Похожая история в Ставропольском крае, в Галюгаевской станице. Есть такая русская станица — один из немногих населенных пунктов в Ставропольском крае, в котором народ жестко договорился не пускать мигрантов. То есть там на всю станицу не живет *de jure* ни одного чеченца, ни одного дагестанца, одни только казаки. Дома в Галюгаевской станице стоят примерно в 6 раз дешевле, чем в соседних, то же самое с паями и с арендной платой на пай. Единственное, что ее поддерживает, это то, что там сейчас порядка 120 молодых людей (а это много для станицы) работают по контракту в Чечне, практически содержат свои семьи в Галюгаевской и держат границы. В реальности же ситуация, когда извне не пускают, рынок закрыт, оборачивается, к сожалению, люмпенизацией населения, которое оказывается в этом закрытом рынке.

Окончание следует